

З. А. Мадаева

ОБРЯДЫ ВЫЗЫВАНИЯ ДОЖДЯ И СОЛНЦА У ВАЙНАХОВ в XIX — начале XX в. *

Вайнахи (чеченцы и ингуши), как и всякий народ, издавна занимавшийся земледелием, веками вырабатывали рациональные эмпирические знания, способствовавшие успешному развитию этой отрасли хозяйства. «От самого земледельца зависели: отбор семенного зерна, хорошая вспашка поля, своевременный сев. На этом кончались те хозяйственные заботы, в которых пахарь мог проявить себя и где успех зависел от его усилий»¹. Однако земледелец был бессилен перед стихийными силами природы — продолжительной засухой, ливнями и грозами. Это бессилие порождало множество суеверий, обычаев, обрядов, свято выполняя которые земледелец верил, что его тяжелый труд будет вознагражден получением хорошего урожая. Большое значение, в частности, придавалось обрядам вызывания дождя и солнца. К настоящему времени эти обряды в быту вайнахов почти не сохранились. Однако полевые материалы, собиравшиеся автором в различных районах Чечено-Ингушетии и в Ахметском районе Грузинской ССР в течение 1978—1981 гг., дают возможность реконструкции некоторых обрядов этого цикла.

Разнообразные формы имели обряды вызывания дождя, широко распространенные в быту многих народов мира. У одних они принимали характер имитативной магии, у других проявлялись в представлениях о «сверхъестественных существах, посылающих дождь»². У всех народов Кавказа были известны такие божества — покровители урожая. «Образы этих божеств у одних народов испытали сильное христианское либо мусульманское влияние, даже слились с какими-нибудь святыми, у других сохранили более самобытный вид»³. Таковы Уацилла у осетин, Созереш у адыгов, Диела у вайнахов и др. У вайнахов язычески бог-громовец назывался Снели (вероятно, под влиянием христианского святого Ильи). Именно с ним были связаны многие обряды и магические действия, призванные вызвать дождь. На обряды вызывания дождя оказал влияние также ислам: большинство молений, исполнявшихся во время этих обрядов, связывалось с верховным языческим богом Диела (Дела, Даьла), под которым подразумевался Аллах.

Одним из наиболее распространенных был обряд с ряженым. Раздетого мальчика-подростка, реже девушку окутывали ветвями, травами или надевали на голову свисавшие до земли ветви из черной бузины, сноп из конопли или растения «хьогули». Иногда на голову ряженого надевали мешок с отверстиями для глаз, также украшенный зелеными ветвями. Вместо пояса ряженого повязывали веревкой. Главного персонажа сопровождала процессия, состоявшая из 20—30 подростков в вывернутых наизнанку овчинных тулупах. Один из них держал ряженого

* Полевые материалы автора 1978—1980 гг. хранятся в Архиве Ин-та этнографии АН СССР, материалы 1981 г. — в Архиве Чечено-Ингушского НИИ истории, социологии и филологии. Далее в работе даются ссылки только на опубликованные источники.

¹ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981, с. 181.

² Токарев С. А. Ранние формы религии и их развитие. М.: Наука, 1964, с. 21.

³ Токарев С. А. Религия в истории народов мира. М.: Политиздат, 1976, с. 101.

«под узду», т. е. за веревку. Никто из окружающих не должен был знать в лицо окутанного зеленью, кроме тех, кто его обряжал.

Наряд главного персонажа обряда делал его похожим на движущийся сноп, так как навешиваемые на него растения или ветви связывались в виде снопа — «цIов». Можно предположить, что ранее «цIов» предназначался в жертву божеству ЦIу — покровителю погоды и заменял собой человеческую жертву. Интересно отметить и происхождение названия снопа от имени бога ЦIу.

В большинстве чеченских обществ ряженный назывался «кьоршкьури» («кьоршкьули»). Вероятно, этот термин происходит от слов «кьора» — град, «ша» — лед; этимология же третьей части слова неясна. Среди горных чеченцев был известен другой термин — «хьогули» — синоним названия растения, применявшегося для окутывания ряженного. В Чеберлоевском обществе (современный Веденский район) нами зафиксировано еще одно название ряженного — «ЗIеммур», что, по свидетельству местных информаторов, означает «мокрый». Этот термин напоминает имя божества воды Земир, известное в недалеком прошлом у кумыков.

Ингуши называли ряженного «муста гудург», что в переводе означает «облезлый чурбан» (от мустдар — общипывать), или «миста гудург» — «кислый чурбан» (от миста — кислый). У кистин (уроженцы горной Чечни — Майстинское и Мьялхинское общества, переселившиеся в Грузию в XVIII — первой половине XIX вв.) было известно два термина: «хьогули» и «бучIкIа». Кистины же устраивали процессию не только с ряженным, но и с куклой, которую также называли «хьогули»⁴.

Ряженного водили из дома в дом и в каждом дворе выливали на него кувшин воды со словами: «Выйди на дождь» («догIане вала»), а он кружился, прыгал и танцевал, обрызгивая присутствующих. Каждая хозяйка давала участникам шествия (в сравнительно недавнее время ими были только дети) кукурузную муку, мясо, творог, сладости и т. д. По окончании обхода дети делили между собой собранные продукты, причем ряженный получал две доли. В некоторых селах дети устраивали общую трапезу на краю села или у берега речки. Прежде чем развести костер и приготовить еду из полученных продуктов, они сбрасывали наряд с ряженного в речку, а иногда сталкивали туда и его самого. В случае, если речка пересыхала от засухи, то «цIов» бросали в лужу или на чистую лужайку.

Участники шествия обязательно исполняли специальную песню. Первую строку произносил тот, кто держал ряженного «под узду», а затем ее подхватывали все остальные.

У вайнахов нами зафиксировано несколько песен, имеющих, однако, общую основу. В Чечне обрядовая песня пелась так:

Кьоршкьури хIара ю!	Это есть «кьоршкьури»!
ДогIа лохья, Диала!	Дай дождя, Диела!
ХIуьрта-буьрта, ши буьртиг,	ХIуьрта — зерно, два зерна,
Даьттинца йоькаш,	В масле шкварки,
Кехь-кехь кIентий,	Во дворе, во дворе сыновья,
Хьекьийла хьан, баба!	Пусть размножатся у тебя, баба!

Предпоследняя строчка имела различные варианты: «ке-ке кIентий» (во дворе-во дворе сыновья); «кIа-кIа-кIентий» (пшеница-пшеница, сыновья); «хьера-хьера, кIентий» (мельница-мельница, сыновья). Под влиянием ислама в обрядовую песню был внесен и мусульманский текст. После первых двух строчек часто восклицали: «Яраббана Везиндела, амина Диела» (Всемогущий бог Диела, аминь, Диела) или «ЛаилахIа-илл-аллахI» (Нет бога, кроме Аллаха).

⁴ Применение куклы во время вызывания дождя в Чечне и Ингушетии нами не зафиксировано. Но в связи с этим интересно отметить, что чеченцы, например, наряжали куклу во время «белхи» (взаимопомощь). Называли куклу «зIемалг» (ср. с «ЗIеммур» и Земире). — См.: Архив Ин-та этнографии АН СССР. Полевые материалы автора, 1978—1980 гг.

В горных обществах Чечни, где ряженный назывался «хьогули», пели следующую песню (записано в Чеберлое):

Хьогули хIара ю!	Это есть «хьогули»!
ДогIа дайта йеана ю!	Приносящая дождь!
ДогIа дайтахьа, Диела!	Дай дождя, Диела!
Сигал мела дайта,	С неба теплым пролей,
Льатта хьена досийта!	На землю масляным (благодатным) разлей!

У кистин нами записан такой вариант:

Хьогули хIара ю!	Это есть «хьогули»!
ДогIа дайта, ва Диела!	Дай дождя, Диела!
Кхаш хьекъийта, ва Сиела!	Урожайными поля сделай, Сиела!
Даь до бузийтал,	Наполни кукурузохранилище отца,
Наьна кIаь бузийтал,	Наполни амбар матери,
Берза цергал хIоъ олийтал,	Зерно пусть будет с зуб волка,
Саь суйкал ка олийтал!	Колос пусть будет с рог оленя!

Среди ингушей нами записан такой текст обрядовой песни:

Муста-гудург хIар ю!	Это есть «муста-гудург»!
ДогIа дахьа, Даьла!	Дай дождя, Даьла!
КIа-борц хьувкъийта,	Пшеницу, ячмень уроди,
Кур хьажкIаш ебийта!	Гордую (хорошую) кукурузу уроди!

Вариант этой песни был опубликован в сборнике ингушского фольклора:

Муста-гударг, муста-гударг,	Муста-гударг, муста-гударг.
КIа-борц хьувкъийта,	Пусть на полях уродится
Кур хьажкIаш ебийта,	Просо, ячмень, пшеница
ДогIа да тхона, Даьла,	и кукуруза тоже,
А-а-мин! ⁵	Дай нам дождя, боже.
	О господи боже! ⁶

Известны также другие песни, исполнявшиеся во время обряда вызывания дождя⁷.

Как мы уже отмечали, в роли ряженного выступал в основном мальчик-подросток. Но ряженным мог быть и взрослый мужчина, которого также раздевали догола. Иногда в данном обряде главную роль играли девушки и женщины. Проследить историю обряда позволяет анализ термина. В чеченском и ингушском языках к ряженному обращаются как к особе мужского пола. Но в обрядовых песнях, которые, как известно, весьма архаичны, фигурирует женщина. Вероятно, в первоначальном, древнейшем варианте обряда главную роль играла женщина. Об этом говорит и то, что во время продолжительной засухи кумыкские девушки делали куклу в образе женщины, представлявшей божество, и носили ее по селу с просьбой вызвать дождь⁸.

Глубокая древность происхождения подобного обряда подтверждается семантикой аграрно-магических изображений на сосудах трипольской культуры, исследованной Б. А. Рыбаковым. На них изображены додолы — главные персонажи в обряде вызывания дождя у балканских народов. Это юные девушки, исполняющие танец дождя во время засухи. Раздетые догола додолы обвешиваются травами, ветками, цветами; женщины села обливают их с ног до головы водой. «Символика здесь вполне ясна,— пишет академик Б. А. Рыбаков,— девушка — земля; ее

⁵ ПаллIай фольклор. Грозный, 1967, т. 2, с. 319 (на инг. яз.).

⁶ Песни вайнахов. Грозный, 1972, с. 102.

⁷ ПаллIай советски литература исторе очеркаш. Грозный, 1961, с. 14 (на инг. яз.); Очерк истории чечено-ингушской литературы. Грозный, 1963, с. 16.

⁸ Гаджиева С. Ш. Кумыки. М.: Изд-во АН СССР, 1961, с. 323.

наряд — зелень всех видов, а вода, которой обливают додол, — желаемый и просимый дождь»⁹. Ту же самую символику можно видеть и в вайнахском обряде с ряженым.

Не менее распространены были общественные моления, устраивавшиеся с целью вызывания дождя. Их вариации у чеченцев, ингушей и кистин объясняются разной степенью проникновения ислама к этим народам. У чеченцев это происходило следующим образом. Мужчины села во главе с муллой собирались в определенном традиционном месте и устраивали «кровавые жертвоприношения» («мела сагIа»). В жертву приносили обычно быка, корову, несколько баранов в зависимости от состоятельности жителей села. Традиционные места жертвоприношений находились на краю села, у истоков реки, на вершине горы или у могилы человека, известного своей святостью — «зерат» (от араб. «зиярет»). Наиболее популярными были вершины гор: «Дишни корта», «Мизир корта», «Ковтара корта», «Дога доьхучу гутIа» (вершина, где просят дождь), «Къорша» (ср. с къоршкъури) и др. «С идеей неба... связан культ гор, горных вершин, „красных горок“, „красных холмов“ — ближайших к небу точек земли... Горы и холмы (в равнинных местах) были не объектом, а местом культа, местом сборищ и принесения жертв. Это явление было общечеловеческим»¹⁰, — пишет Б. А. Рыбаков. Вайнахи в этом отношении не были исключением. Принесение жертв у истоков рек указывает на связь в сознании людей воды земной с водой небесной.

Об общественных молениях имеются и письменные сообщения. Например, в «Терских ведомостях» была помещена заметка, в которой сообщалось, что 10 июня в Веденском округе «стали производиться всеобщие и повсеместные богомоления» с целью вызывания дождя. По рассказам очевидцев, «в это время было совершено немало всяких добрых дел...»¹¹. Собравшись в установленном месте, люди молились о дожде вслед за муллой, который произносил молитву («доIа») из корана. После жертвоприношения процессия трижды обходила село. В традиционном месте устраивалась общественная трапеза. Мясо делили на части и распределяли между жителями села независимо от средств, внесенных ими в общую кассу.

Несмотря на то что общественные моления чеченцев о дожде на первый взгляд выглядят как чисто мусульманские (руководство муллы, молитва из корана, отсутствие женщин), в них можно увидеть и древние языческие элементы (выбор места сборища, кровавые жертвоприношения и др.).

Ингуши молились о дожде в местах, где находились сельские и фамильные святилища (либо их развалины), посвященные какому-нибудь языческому божеству. Наиболее известны были Самеба Цу, Ерды, Матлам (Столовая гора, на которой находилось несколько святилищ), Текъа корта («вершина моления») и др.

Интересный обряд вызывания дождя записан нами в Джейрахе (Горная Ингушетия). Все жители села собирались в традиционном месте, где совершали заклание животных, варили пиво; сюда же приносили обрядовые «текъаргаш» (три круглых тонких пирога и один треугольный — «боджыльг»). Затем начиналось моление. Роль жреца исполнял человек по имени Махъма. Моления о дожде проводились только в среду (в вайнахском традиционном календаре среда была посвящена языческому богу-громовержцу Сиели). Один из присутствовавших молодых людей держал перед жрецом поднос с едой (хлеб, мясо, пироги) и чашу с водкой. Обратившись лицом к востоку, жрец произносил молитву: «Звезды и небо создавший Диела! Землю, траву, солнце создавший Диела! Дай нам хорошее, дай нам дождя. Выровняй погоду с непогодой. Сделай урожай тучным. Дай нам то, что мы просим». Все участники моления произносили: «Аминь!». Затем жрец выпивал водку и закусывал. По окончании молитвы устраивалась общественная трапеза

⁹ Рыбаков Б. А. Указ. раб., с. 188.

¹⁰ Рыбаков Б. А. Указ. раб., с. 285.

¹¹ Нурэддин. Из Веденского округа. — Терские ведомости, 1875, № 30.

Жители Джейраха совершали также моления о дожде на Мат-лам. Гуда направлялась процессия, впереди которой вели жертвенного быка, обязательно белого цвета. На вершине горы быка ставили головой к востоку и начинали моление, по окончании которого быка резали и здесь же варили мясо в больших котлах. Кроме того, для общественной трапезы жители села приносили с собой три сыра, вино, кукурузный чурек.

В корреспонденциях конца XIX — начала XX в., публиковавшихся в газете «Терские ведомости», не раз сообщалось о молениях с целью вызывания дождя (например, в Сагопше, Фуртауге, Плиевском)¹². Всея церемонией в это время уже руководил мулла, а молились чаще всего в мечети. Однако старые обряды не забывались и еще в первой четверти XX в. такие моления проводились на Столовой горе жителями Джейраховского и Мецхальского обществ¹³.

Кистины устраивали общественные моления у святилищ, расположенных на возвышенных местах. Здесь также проводилась общественная трапеза после жертвоприношения. Перед этим предназначенное для жертв животное трижды обводили вокруг села, навесив на рога кусок белой материи. Часто в жертву приносили козу рыжей масти. При заклании животного старались кровь пролить на лезвие топора; если же хотели прекратить дождь, то кровь проливали на его рукоятку.

Для вызывания дождя вайнахи использовали множество других способов, широко известных у различных народов. В частности, был распространен обычай раскапывать старые могилы, вынимать из них кости и выставлять их наружу. По народным поверьям предпочитались кости утопленника или безвинно погибшего человека, а также кости, найденные во время пахоты. Кистины для вызывания дождя выставляли скелеты из склепов. Ингуши вынимали кость из склепа около храма Тхаба-Ерды¹⁴; в Малхисте для выполнения обряда использовали мумифицированные трупы из склепа Зейтовых¹⁵.

Вера в то, что раскапывание старых могил вызовет дождь, была очень сильна. Например, Л. П. Семенов указывал, что во время археологических раскопок в 1927 г. местные старики обращались к нему с просьбой не копать, опасаясь проливных дождей¹⁶.

Для вызывания дождя вайнахи использовали и надгробные памятники, каменные кресты, изображения фаллосов, камни. Например, повсеместно в Чечне и Ингушетии был известен обычай валить на землю или сдвигать с места надгробный памятник («чурт»). Жители с. Нихалой (Шатоевское общество, современный Советский р-н), чтобы переменить погоду, опрокидывали каменный крест, стоявший вблизи села¹⁷. Считалось, что изображение фаллоса у святилища богини Тушоли также обладает силой вызывать дождь¹⁸. Переворачивание почитаемых камней, каменных крестов и другие манипуляции с камнями были магическим приемом, посредством которого люди рассчитывали изменить погоду. Этот обычай был широко известен на Кавказе¹⁹. Тем же объясняется

¹² Шатихин Б. Из селения Сагопш.— Терские ведомости, 1890, № 55; Крашенинников М. В горах (о сел. Фуртауг).— Там же, 1911, № 172; Гребенец Ф. С. Боргакаш.— Там же, 1913, № 234.

¹³ Семенов Л. П. Эволюция ингушских святилищ.— Труды секции археологии Российской ассоциации научных институтов общественных наук. Т. 4. М., 1928, с. 459; Мартиросиан Г. К. Нагорная Ингушетия.— Изв. Ингушского научно-исследовательского института краеведения. В. 1. Владикавказ, 1928, с. 63.

¹⁴ Харузин Н. Н. Археологическая экскурсия в Чечню и Осетию.— Терские ведомости, 1886, № 62.

¹⁵ Даутова Р. А. Отчет о результатах полевого исследования за 1975 г., с. 10.— Архив Чечено-Ингушского института истории, социологии и филологии.

¹⁶ Семенов Л. П. Мавзолей Боргакаш.— Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Владикавказ, 1928, в. 1, с. 232.

¹⁷ Миллер В. Ф. Археологические наблюдения в области чеченцев.— В кн.: Материалы по археологии Кавказа. В. 1. М., 1888, с. 67.

¹⁸ Шиллинг Е. М. Ингуши и чеченцы.— В кн.: Религиозные верования народов СССР. Т. 2. М.—Л., 1931.

¹⁹ Чурсин Г. Ф. Магия в борьбе с засухой у кавказских народов.— Бюллетень Кавказского историко-археологического института. Тифлис, 1930, № 6, с. 17.

и вайнахский обычай раскапывать во время засухи заранее закопанные деньги и альчики.

Как и у других народов Кавказа, у вайнахов был широко распространен обряд вызывания дождя с помощью бросания в воду камешков, что сопровождалось чтением молитвы. Считалось, что, когда вода, омывшая эти камешки, дойдет до моря, начнется дождь. В Горной Чечне также существовал подобный обряд. Старики во главе с муллой молились, а молодежь собирала камни. Их складывали около грамотных жителей, умеющих читать коран, которые нашептывали над ними молитву, а затем откладывали их в сторону. После этого молодежь бросала камни в воду. Одетые мальчики также бросались в воду и получали за это подарки. По окончании обряда резали жертвенных животных и устраивали общую трапезу²⁰.

В случае засухи вайнахи часто, подобно другим народам Кавказа²¹, убивали и подвешивали змею. В народных воззрениях образ змеи был тесно связан с водой; эта связь широко известна в фольклоре и изобразительном искусстве разных народов и разных эпох²². Как известно, змеи выползают в дождливое время, отсюда и возникла вера в их связь с желаемой небесной влагой.

Повсеместно был распространен обычай разрушать воронье гнездо, поскольку ворона в народных представлениях является вестницей непогоды.

Среди обрядов вызывания дождя следует назвать широко известный на Кавказе обычай пропахивания русла пересохшей речки. У чеченцев и ингушей этот обряд исполняли раздельно как женщины, так и мужчины. Во дворе наиболее почитаемого в селе человека, считающегося удачливым, благодатным («беркате стаг»), они впрягались в плуг, а затем протаскивали его вдоль и поперек русла речки, при этом полагалось обливать друг друга водой. У ингушей нам удалось записать песню, исполняемую во время обряда:

Аьргиг-буьртиг, хьаьжкIен буьртиг,	Аьртиг — зерно, кукурузы зерно.
КIе буьртиг, берца буьртиг,	Пшеницы зерно, ячменя зерно.
ДогIа делхийталахь, Диела,	Дай дождя, Диела,
Хьувкьийталахь, Везиндиела!	Уроди урожай, Великий Диела!

В наиболее полной форме этот обряд записан нами у кистин. Когда долго не бывало дождя, кистинские женщины начинали подготовку к пропахиванию дна речки. Плуг собирали во дворе дома одной из женщин, выполнявшей роль руководителя обряда — «готана нана» («мать плуга»). Затем самую старую женщину в белой одежде сажали на плуг. Она произносила молитву и давала обет держать пост до дождя и разговеться только дождевой водой. В плуг впрягались от двух до шести женщин. Процессия во главе с этой «упряжкой» отправлялась к речке; по дороге все ее участники громко молились о дожде. Сидящая на плуге пела обрядовую песню:

ДогIа дайитал, ва Диела,	Дай дождя, Диела,
Кхаш хьекьийтал, ва Сиела,	Поля урожайными сделай, Сиела,
ЦIа веце хьо цIа воле,	Если тебя нет дома, то приди
ЦIа веле хьо Iо хецал	домой,
Циикан таса лукум дац,	Если ты дома, пролей дождь,
ЖIалена дотта доьша дац!	Кошке бросить крошки нет,
	Собаке налить каши нет!

Придя к речке, женщины два-три раза протаскивали плуг по ее дну, при этом сами падали в воду и обливали друг друга, а также сталкивали в речку проходящих мужчин. Затем женщины, бывшие в «упряжке»,

²⁰ Петухов П. С. Из Нагорного округа. — Кавказ, 1866, № 65.

²¹ Чурсин Г. Ф. Указ. раб., с. 17; Миллер В. Ф. Указ. раб., с. 68.

²² Рыбаков Б. А. Указ. раб., с. 191.

ходили по селу; их обливали водой и одаривали деньгами или продуктами. На собранные деньги они покупали жертвенного козленка («ост»; считалось, что козленок также поможет вызвать дождь). Резали козленка на краю села, а его мясом угощали сирот. Перед трапезой старший в селе произносил молитву, которая буквально звучала следующим образом: «Не смотри на нашу грешность, хотя мы и не считаем себя настолько чистыми (безгрешными), чтобы обращаться к тебе; но если не у тебя, то у кого мы попросим; если ты нам не дашь, то кто же нам даст? Мы пришли к тебе с просьбой ради рыбы в воде, ради не умеющих говорить животных, ради преданной своему мужу жены. Масляный для земли и благодатный для людей, пошли нам теплый дождь, Сиела!». Трапеза сопровождалась песнями и танцами.

По замечанию Д. К. Зеленина, «очистка и углубление водных источников во время засухи сначала были реальной мерой, средством борьбы с недостатком воды, в частности воды для питья. Впоследствии же это было понято как обряд симпатической магии: открытие подпочвенных „подземных“ вод должно было вызвать по магическому сходству открытие небесных вод, т. е. дождя». Женский характер обряда свидетельствует возможно об оформлении его в эпоху матриархата²³.

Столь долгожданный и просимый людьми у богов дождь не всегда бывал благодатным. Часто созревающий урожай выбивал град. Поэтому вайнахи широко применяли различные средства, способные, по их представлениям, уберечь посевы от градобития. Например, во время града во двор выбрасывали различные железные предметы: топор, мотыгу острием вверх, опрокидывали треножник («очакх», «зедг»), жгли сало или кость жертвенного животного.

Обычай выносить во двор железные предметы во время грозы был широко распространен на Кавказе. В основе этого обычая лежала не только вера в их магическую силу, но и, видимо, опыт, позволивший узнать свойства железа как электропроводника. Вероятно, это свойство и послужило причиной применения железа и в тех случаях, когда это было бессмысленно²⁴.

Интересный обычай бытовал еще в недалеком прошлом у кистин: во время града первенец в семье выскакивал во двор и, повернувшись в ту сторону, откуда шел град, голыми ягодицами, произносил: «ДогІуна мехе, доьххъара вина» (букв.: «[град], уйди с ветром, я, первенец, [прошу]). Данный экзотический обычай, имеющий аналогии и у других народов, например Средней Азии, применялся вайнахами и в случае густого и долгого тумана.

Наряду с обрядами вызывания дождя вайнахам были известны и обряды вызывания солнца, еще практиковавшиеся в исследуемый период. Если длительное время шли дожди, то устраивались общественные моления, сопровождавшиеся жертвоприношениями. Каждая хозяйка варила кукурузу, мясо, кипятила молоко и раздавала их соседям. Во дворе выставляли закопченный медный котел, да и всю медную посуду в опрокинутом виде. Часто люди всем селом выходили на поиски утопленника или какого-нибудь другого закопанного трупа. Считалось, что, пока труп не будет закопан, дождь не прекратится. Дождливые дни называли «дакъа малхехъ йочуна» (букв.: труп на солнце непогода). Закапывали раскрытые в свое время с целью вызывания дождя могилы, кости; убирали в склепы выставленные на солнце скелеты. Выравнивали поваленный надгробный памятник, каменный крест. Широко был распространен обычай резать козленка и подвешивать его вниз головой. Существовал и другой обычай: выписывать на листе имена больных паршой и подвешивать этот листок на шесте в центре села, чаще всего у мечети. На шесте помещали и волосы, вылезшие от парши; считалось, что выполнение такого обряда поможет

²³ Зеленин Д. К. Истокование пережиточных религиозных обрядов.— Сов. этнография, 1934, № 5, с. 8.

²⁴ Брегадзе Н. А. Рациональные основы некоторых обычаев грузинских земледельцев.— Сов. этнография, 1967, № 2, с. 144.

